

Казачи в Париже в 1814 году.
С акварели Георга-Эммануэля Опица. 1814 г.

Николай Яковлевич
Данилевский

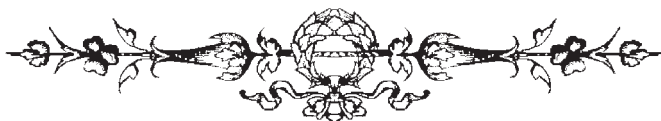
РОССИЯ И ЕВРОПА

*Взгляд на культурные и политические отношения
Славянского мира к Германо-Романскому*

Иллюстрированное издание

Москва
2017

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Книга Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа» — одно из самых фундаментальных сочинений в русской историко-социологической литературе последних двух столетий. В ней Данилевский предлагает читателю свое понимание исторического процесса и места в нем славян вообще и подкрепляет это понимание обстоятельной аргументацией, основанной на огромном фактическом материале. Методологическим стержнем исследования Данилевского является органическая теория, из которой, в свою очередь, выводится теория социальных общностей — наций, обозначенных автором термином «культурно-исторические типы». Из этой же теории формируется область знания, называемая ныне геополитикой. В этом состоит принципиальная новизна результатов исследования Данилевского и этим определяется место автора в развитии обществоведения. Не случайно во всем мире Данилевского называют «апостолом Славянства», а книгу «Россия и Европа» — «всеславянской Библией».

Особую привлекательность книге придают ясность и доступность изложения, логическая строгость развития мысли, эмпирическая аргументированность всех посылок и умозаключений. Прочсть ее, даже для образованного читателя, — значит не просто освежить знание истории и ее понимание, но и обогатить его новыми, оригинальными подходами к прошлому нашего Отечества.

Проблемы, которые Данилевский поднимает в своем исследовании, были весьма актуальны в момент создания книги, которая писалась по следам событий 1850—1860-х гг. (Крымская война и начало объединения Германии). Но и спустя годы, когда на Берлинском конгрессе были подведены итоги Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., и 40 лет спустя, когда после Первой мировой войны перекраивалась карта Европы и менялось положение в мире нашего государства, «Россия и Европа» сохранила актуальность благодаря своим обобщениям и прогнозам, ближним и дальним. Она не утратила своей значимости и в наши дни в контексте очередного витка социального и национального переустройства Европы и России и очередного витка столкновения цивилизаций Востока и Запада.

Книгу «Россия и Европа» Ф. М. Достоевский называл «настоющей книгой всех русских надолго», признаваясь в письмах, что ждет ее новых глав, как голодный — куска хлеба. Идеи Н. Я. Данилевского еще долго не утратят своей экономической и политической остроты. Оптимизма придает хотя бы тот факт, что Данилевский не только предсказал все потрясения и горести славянских стран и России, но и обозначил пути выхода из кризиса.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге. <i>От Издательства</i>	5
<i>Н. Н. Страхов. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского</i>	9

Н. Я. Данилевский

РОССИЯ И ЕВРОПА

Эпоха столкновения цивилизаций

Глава I. 1864 и 1854 годы. Вместо введения	29
Глава II. Почему Европа враждебна России?	45
Глава III. Европа ли Россия?	76
Глава IV. Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческою?	92
Глава V. Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения и развития.....	111
Глава VI. Отношение народного к общечеловеческому	133

Глава VII. ГНИЕТ ЛИ ЗАПАД?.....	174
Глава VIII. РАЗЛИЧИЯ В ПСИХИЧЕСКОМ СТРОЕ.....	184
Глава IX. РАЗЛИЧИЕ ВЕРОИСПОВЕДНОЕ	207
Глава X. РАЗЛИЧИЯ В ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.....	225
Глава XI. ЕВРОПЕЙНИЧАНЬЕ — БОЛЕЗНЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ.....	262
Глава XII. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС.....	294
Глава XIII. МЕСТО АВСТРИИ В ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ.....	319
Глава XIV. ЦАРЬГРАД.....	349
Глава XV. ВСЕСЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ.....	375
Глава XVI. БОРЬБА.....	406
Глава XVII. СЛАВЯНСКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	435

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Н. Я. Данилевский. ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ!</i>	469
<i>Н. Я. Данилевский. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАШЕГО НИГИЛИЗМА</i>	535

Николай Яковлевич ДАНИЛЕВСКИЙ
(28.11.1822 — 7.11.1885)

Русский публицист, философ и естествоиспытатель, идеолог панславизма, глава «поздних славянофилов», «почвенников». Создатель теории культурно-исторических типов, предвосхитившей теории локальных цивилизаций О. Шпенглера и А. Тойнби.

В 1847 г. окончил естественный факультет Санкт-Петербургского университета. Получив степень кандидата и выдержав магистерский экзамен, он был в 1849 г. арестован по делу Петрашевского и сослан в административную ссылку в Вологду.

В 1853 г. советом Русского географического общества был включен в состав экспедиции для исследования состояния рыболовства на Волге и в Каспийском море.

Всего Данилевский участвовал в работе десяти научно-практических экспедиций.

В последний период служебной деятельности имел чин тайного советника и являлся членом Совета министра государственных имуществ.

Интеллектуальная деятельность Данилевского многогранна — он автор публицистических статей, а также исследовательских работ по ботанике, зоологии, этнографии, экономике и статистике. Наиболее значимые труды — «Россия и Европа» (1870) и «Дарвинизм» (1885). Последняя книга, оставшаяся незавершенной, посвящена критике учения Ч. Дарвина.

Н. Н. Страхов
Жизнь и труды
Н. Я. Данилевского

Автор книги «Россия и Европа» Николай Яковлевич Данилевский родился 28 ноября 1822 года. Место рождения — село Оберец Орловской губернии Ливенского уезда, родовое имение его матери. Отец его, Яков Иванович, командовал гусарским полком и впоследствии был бригадным генералом. Яков Иванович назначал себя сперва на другое поприще и в 1812 году слушал курс медицины в Московском университете, но, когда началось нашествие французов, он оставил учение и поступил в военную службу. Он был ранен в заграничном походе (при Лейпциге?) и лечился некоторое время в Париже. Впоследствии он делал Севастопольскую кампанию, был комендантом Белграда и вышел в отставку на Дунае, когда отвергнуто было одно его настоятельное предложение. При образовании ополчения Орловской губернии он был единодушно избран его начальником, но умер 2 августа 1855 года от холеры, через два часа после того, как делал смотр ополчению. Яков Иванович всегда любил науку и литературу и даже сам писал комедии, оставшиеся в рукописи.

С самого детства Николаю Яковлевичу пришлось беспрестанно перемещать место, именно передвигаться вместе с полком отца. Четырех лет от роду он помнил себя в Ливнах, потом (1827) в Прокоповке (Полтавской губернии), в Нежине (1828), в Прилуках (1830), в Пахре (1831), в Несвиже (1832). В 1833 году он находился в пансионе пастора Шварца близ Верро (в Лифляндии), в 1834 году в Москве, в пансионе Павлова, а в 1836 году — там же в пансионе Боргардта. В 1837 году он был принят

в Царскосельский лицей как своекоштный воспитанник. С первой же встречи в лицее началась его приязнь с Николаем Петровичем Семеновым, поступившим вместе с ним и бывшим потом всю его жизнь ближайшим его другом. Из лицея он вышел 12 декабря 1842 года; один раз, в 1840 году, сюда приехал навестить его отец.

Николай Яковлевич отличался с детства необыкновенными способностями, почему легко и успешно проходил всякие курсы. Впрочем, он делал большое различие между предметами преподавания: одни он любил и ревностно изучал, другими упорно пренебрегал и посвящал на них только несколько дней перед экзаменом. Память у него была изумительная, но также с особенностями. Легко усваивая языки, отлично удерживая всякие имена и цифры, а также всякую мысль, он с большим трудом останавливался на буквальном выражении мысли, на данном порядке слов: он очень любил стихи и прекрасно их читал, но почти вовсе не мог их помнить.

Окончив полный курс лицея, он не считал этого образования достаточным для себя. Он чувствовал горячее влечение к естественным наукам и записался вольным слушателем на естественный факультет Петербургского университета, где и занимался четыре года (1843—1847)*. В конце этого времени я в первый раз увидел его в университетском коридоре; хотя потом мне вовсе не приходилось его видеть и я познакомился с ним только в 1868 году, но первая встреча осталась в моей памяти. Между студентами вдруг пронесся говор: «Данилевский, Данилевский!» — и я увидел, как около высокого молодого человека, одетого не в студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Все жадно слушали, что он говорит; ближайшие к

нему задавали вопросы, а он отвечал и давал объяснения. Дело шло о бытии Божиим и о системе Фурье.

Он был в это время большим приверженцем Фурье. В научных же занятиях он выбрал своей специальностью ботанику; в 1847 году он получил степень кандидата, а зимой 1848/1849-го выдержал экзамен на магистра ботаники. 1847 и 1848 годы проведены были то в Петербурге, то в Рязанской и Орловской губерниях; Николай Яковлевич изучал флору Орловской губернии и для магистерской диссертации составил описание этой флоры. Но летом 1849 года, в то время, когда он вместе с другим магистрантом, Петром Петровичем Семеновым, находился в Тульской губернии (на Красивой Мече) и занимался по поручению Вольно-экономического общества исследованием границ черноземной полосы России и ее флоры, он был неожиданно арестован и отвезен в заключение в Петропавловскую крепость. Его привлекли по тому делу Петрашевского, которое, как известно, повело к ссылке Ф. М. Достоевского, Пальма и других. Заключение, продолжавшееся сто дней, было особенно тяжело сначала, когда запрещены были книги. С разрешением книг и своей способностью отдаваться работе мыслей Николай Яковлевич стал легко переносить одиночество. Между прочим, «Дон Кихот» в хорошем старинном французском переводе возбудил в нем восторженный смех, о котором он любил потом вспоминать. На следствии он объяснил, что надолго отлучался из Петербурга, а в Петербурге был поглощен приготовлением к экзаменам, почему в последние годы не бывал у Петрашевского и не знал, что у него делалось. Кроме того, в большой записке он ясно и полно изложил систему Фурье, в проповедовании которой его обвиняли; оказывалось несомненно, что она не содержит в себе ничего революционного и противорелигиозного, а есть учение чисто экономическое.

* С 1 апреля 1843 г. Данилевский был зачислен в канцелярию военного министерства, из которой был уволен 19 января 1847 г. по прошению, за болезнью. В течение этого времени он был дважды в отпуске: с 1 мая 1844 г. на четыре месяца и с 10 июня по 6 октября 1846 г.

Следственная комиссия освободила Николая Яковлевича от суда, но он был выслан из Петербурга и зачислен (20 мая 1850 г.) в канцелярию вологодского губернатора, а потом (3 ноября 1852 г.), по ходатайству Перовского, бывшего председателем суда по делу Петрашевского, переведен в канцелярию самарского губернатора. С 24 февраля 1853 года он состоял «переводчиком Самарского губернского правления». К этой эпохе относится его первый брак. Он женился (29 сентября 1852 г.) на бездетной вдове генерал-майора Вере Николаевне Беклемишевой, урожденной Лавровой, большой красавице и умнице. Она проживала в Русском Броде, и он любил ее уже несколько лет, но объяснился с ней только за два дня до своего ареста. Она сдержала слово, когда он был сослан, и приехала в Вологду, чтобы выйти за него замуж. Но не прошло и года, как Николай Яковлевич лишился своей жены (10 июля 1853 г.): она умерла от холеры в несколько часов. Это было, как он сам говорил, самое жестокое горе в его жизни, и целый год он тяжело боролся с отчаянием.

Между тем 18 июня 1853 года Николай Яковлевич был «командирован в звании статистика на два года в ученую экспедицию для исследования состояния рыболовства на Волге и в Каспийском море». Эта командировка определила всю дальнейшую судьбу Николая Яковлевича; он умер в одной из своих поездок для исследования рыболовства. Экспедиция 1853 года состояла под начальством Карла Эрнста фон Бэра, великого натуралиста. Бэр с течением времени оценил познания и способности своего статистика и смотрел на него как на главного своего помощника. Экспедиция продолжалась больше трех лет, до января 1857 года.

Затем, 5 октября 1857 года, Николай Яковлевич был зачислен «чиновником, состоящим при департаменте сельского хозяйства», 7 марта 1858 года помещен на

вакансию «младшего инженера» того же департамента и в том же году был назначен «начальником экспедиции для исследования рыболовства в Белом и Ледовитом морях». Экспедиция продолжалась три года, и Николай Яковлевич получил за нее 6 марта 1861 года 500 рублей награды.

С большой поездкой на Ледовитый океан совпадает эпоха второй женитьбы Николая Яковлевича. Еще когда он был выслан в Вологду из Петербурга, он сблизился с семьей Межакова, губернского предводителя дворянства, помещика села Никольского в Кадниковском уезде. Николай Яковлевич был в особенной дружбе с сыном предводителя — Александром Павловичем Межаковым, который десятью годами был старше его и скончался 2 июня 1859 года. Когда же началась экспедиция, зимою 1860 года Николай Яковлевич заехал на короткий срок в Никольское и здесь (в феврале) сделал предложение дочери покойного друга, Ольге Александровне. Но свадьба была отложена до конца экспедиции и совершилась только 15 октября 1861 года. Во время разлуки жених усердно переписывался с невестой, рассказывая ей все, что с ним было. Письма эти сохранились, и по ним возможно будет составить полный образ этой трудной поездки.

Две первые поездки Николая Яковлевича были самые дальние из всех, какие он сделал: в первую поездку он побывал в Персии, на южном берегу Каспийского моря, а во вторую он посетил Норвегию, где в 1861 году, в Дронтгейме, встречал и Новый год, и Пасху. Перечислим вкратце остальные поездки, чтобы дать примерное понятие о внешней форме этой жизни, которая в то же время была так обильна учеными трудами и мыслями.

Третья поездка была в Астрахань. Николай Яковлевич был командирован туда 31 октября 1861 года «для присутствия в комиссии рыбных и тюленьих промыслов». Путешествие по тогдашним дорогам, среди первых снегов и по только что замерзшей

Волге, вышло как-то особенно трудным и опасным. В Астрахани Николай Яковлевич прожил до июня следующего года.

В ноябре 1862 года он отправился в четвертую командировку «на Псковское и Чудское озера для разъяснения жалоб на правила рыболовства».

В следующем 1863 году началась самая продолжительная и важная работа Николая Яковлевича по рыболовству. Он назначен был «начальником экспедиции для исследования рыболовства в Черном и Азовском морях». Экспедиция эта продолжалась пять лет. В сентябре 1863 года Николай Яковлевич забрал свою семью и спустился по Волге до Царицына, потом по железной дороге переехал на Дон и спустился к Черному морю. Он пробовал устроить постоянное местопребывание своему семейству сперва в Феодосии, потом в Никите, но наконец поселился в Мисхоре, на Южном берегу (9 марта 1864 г.). Из Мисхора было сделано шесть поездок в следующем порядке: в 1864 году — вокруг Азовского моря; в 1865 году — на Днепр; в 1866 году весной — на Маныч; в 1867 году, с 19 мая по 19 июня, вокруг Черного моря; с 10 сентября по 17 октября того же года — на Кубань, а с 23 ноября по 26 декабря — на Дунай.

Исследование промыслов занимало преимущественно только те времена года, когда самые промыслы производились. Поэтому в Мисхоре было у Николая Яковлевича несколько спокойных зим, и плодом этого досуга была книга «Россия и Европа», начатая осенью 1865 года.

К этому же периоду относится другое важное обстоятельство. Николай Яковлевич ни за собой, ни за женой не имел никакого недвижимого имущества; нечаянно представился ему случай купить на Южном берегу Мшатку, большое запущенное имение гр. Кушелева-Безбородко, продававшееся очень дешево. Тут был огромный сад, когда-то старательно возделанный, был виноградник, были развалины барского дома,

сожженного французами в Крымскую войну, и был маленький дом для управляющего. Данилевские для покупки собрали все свои деньги, и с 1 июня 1867 года семья их уже жила в Мшатке.

В начале 1868 года (3 января) выехал отсюда Николай Яковлевич в Петербург, в котором, разумеется, ему приходилось часто бывать и прежде по обязанностям службы. Эти поездки продолжались и до конца жизни, хотя всегда делались с большой неохотой; в настоящем очерке мы упоминаем только о важнейших из них. Вся зрелая жизнь и деятельность Николая Яковлевича прошла вне столицы, и он вообще не любил городской жизни.

На этот раз (1868) ему пришлось провести в Петербурге больше времени, чем когда-нибудь во время его службы. Вскоре после его приезда мне досталась счастливая доля с ним познакомиться. Летом он съездил в Крым за своей семьей, и 1 августа они расположились в Петербурге на постоянное житье.

Между тем еще раньше, в мае этого года, он исполнил командировку (шестую по счету) в Астрахань, «для разъяснения вопросов, касающихся каспийских рыбных и тюленьих промыслов». На этот раз сам Николай Яковлевич был председателем комиссии, и тут были окончательно выработаны на основании всех предыдущих исследований правила, которые теперь действуют или должны действовать.

Седьмая командировка была ему назначена в том же году в августе в Архангельскую губернию «для исследования состояния сельского хозяйства и рыбных промыслов». Плодом этой поездки был обширный и важный доклад «О мерах к обеспечению продовольствия на Севере России».

В следующем 1869 году в феврале Николай Яковлевич опять отправился в Астрахань «для присутствия в Комитете каспийских рыбных и тюленьих промыслов». Осенью этого года ездил по поручению министра в Никиту.

Два года, 1870-й и 1871-й, были заняты большой поездкой, девятой по счету. Николай Яковлевич был назначен 9 марта 1870 года «начальником экспедиции для исследования рыболовства в северо-западных озерах России». Во время этой экспедиции, в июне 1870 г., Николай Яковлевич сопровождал Великого Князя Алексея Александровича в Архангельск и в Соловецкий монастырь.

не можем. По чрезвычайной бодрости духа и тела он легко переносил всякие трудности; скука для него не существовала, и ум его работал непрерывно. Но было в этой жизни одно обстоятельство очень тяжело: это — беспрестанные и долгие разлуки с семейством, которое можно назвать нежно любимым не ради одного приличного и красивого выражения. В 1869 году, в сен-

Вид Соловецкого монастыря с моря.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1881 г.

Этой экспедицией было закончено исследование всех вод Европейской России. Все действующее здесь законодательство по части рыболовства принадлежит Николаю Яковлевичу — труд огромной важности по своей пользе и классический по выполнению.

Чтобы дать хорошее понятие о трудах и лишениях Николая Яковлевича во время его поездок, нужно бы было изобразить их в подробностях, в которые мы здесь вдаваться

тябре, семья Николая Яковлевича вместе с ним покинула Петербург и поселилась в Мшатке. Они взяли меня с собой, и тут я в первый раз испытал очарования Южного берега. Когда началась экспедиция 1870 и 1871 годов, решено было, что семья поселится где-нибудь в области экспедиции; естественное притяжение привело ее наконец в село Никольское, хотя по расстояниям это не был удобный пункт. По окончании

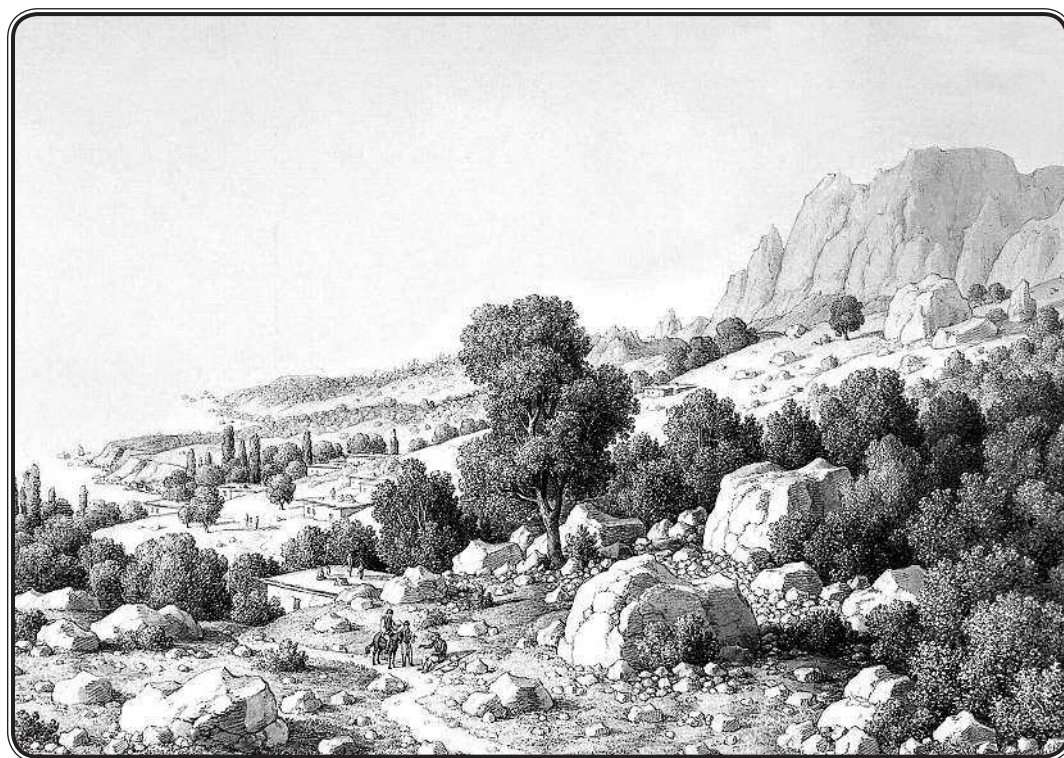

экспедиции Николай Яковлевич приехал в Петербург (5 декабря 1871 г.), а в феврале 1872 г. переехал в Петербург и вся семья его и опять устроилась здесь на постоянное жительство.

Но уже летом этого года Николаю Яковлевичу назначена была десятая командировка, именно председательство в «комиссии для составления правил о пользовании проточными водами в Крыму». Это назначение как нельзя более согласовывалось с желаниями Николая Яковлевича. Он снова переселил свою семью в Мшатку; случилось так, что с этих пор он уже до конца жизни постоянно жил в Крыму, хотя и должен был делать многие отлучки. Дело о проточных водах затянулось, никак, однако же, не по вине председателя комиссии. Напротив, Николай Яковлевич всегда отличался и мастерством в ясной постановке вопросов, и решительностью, и определенностью

предлагаемых мер. Комиссия собрала сведения, совещалась с владельцами и сперва выработала основания, на которых должно быть построено будущее законодательство.

В 1875 г. Николай Яковлевич выехал 1 марта из Мшатки в Петербург (где тогда обсуждался его проект) и вернулся в Крым лишь в конце июня. В следующем году осенью, когда уже все были в волнении, ожидая войны, Николай Яковлевич опять поехал в Петербург (17 ноября) и жил здесь до 5 апреля 1877 года. Еще при нем, осенью 1876 года, началось общее бегство жителей с Южного берега, но он оставался со своею семьей на месте. И после его отъезда семья не выезжала и спокойно ожидала его распоряжений, хотя уже с конца декабря 1876 года Южный берег был занят войсками. Наконец 30 марта 1877 года Николай Яковлевич написал из Петербурга: «Надо готовиться выезжать из Мшатки, ибо война на носу».

*Карл фон Кюгельген. Вид долины близ деревни Мшатка.
1824 г.*

Тогда все вещи были уложены и перевезены в село Байдары; но семья Николая Яковлевича продолжала жить на Южном берегу, кое-как обходясь без вещей. Так было и после возвращения домой Николая Яковлевича, до самого известия о Сан-Стефанском договоре. Николай Яковлевич во время войны не хотел двигаться с места и жил со своей семьей как на биваках. Он рассчитывал, что никто не вздумает бомбардировать ничтожную деревушку Мшатку и его маленький дом; в случае же высадки неприятеля всегда будет возможность уйти по ту сторону гор. Но не в бивачной жизни, не в личных опасностях состояла тяжесть этого положения; Николай Яковлевич весь горел и волновался, следя за событиями. Они принесли ему и восторги, но все было отравлено печальным заключением.

В 1879 году, с половины сентября по 12 декабря, а в 1880 году с мая по ноябрь Николай Яковлевич исполнял должность директора Никитского сада вместо Н. Б. Цабеля, бывшего в отпуску. К этому времени, к зиме 1879 г., относится начало «Дарвинизма».

В 1880 году, 12 октября, Николай Яковлевич открыл филлоксеру в имении г. Раевского и тотчас написал об этом в министерство. Опасность филлоксеры Николай Яковлевич, можно сказать, один видел и знал. В свое время (8 марта 1873 г.) он настаивал на полном запрещении ввоза виноградных лоз из-за границы, и такой ввоз был прекращен Высочайшим повелением (6 апреля 1873 г.). В 1880 году в ответ на свое извещение получил он (6 ноября) из министерства бумагу о том, что назначается председателем Крымской филлоксерной комиссии. Николай Яковлевич сейчас же начал уничтожать зараженные виноградники в Тессели. Для ознакомления с делом он просился за границу и уехал 13 декабря в Швейцарию и Южную Францию, но 13 января 1881 года уже опять был в Крыму. С этих пор каждый год летом происходил осмотр виноградников и разыскивание филлоксеры; затем

следовало уничтожение мест зараженных или подвергающихся опасности заражения. Николай Яковлевич обнаружил быстроту и энергию, вызвавшие громкие похвалы ученых виноделов за границей. Работы по уничтожению требовали много рабочих, и для этого употреблялись солдаты. Общее начальство над всей экспедицией против филлоксеры было вручено Государем барону Андрею Николаевичу Корфу, который, когда хорошо познакомился с ходом работ, оценил высокие достоинства Николая Яковлевича и стал оказывать ему всякое содействие.

К несчастью, меры, предложенные с самого начала Николаем Яковлевичем, все-таки не были окончательно выполнены, и борьба с филлоксерой продолжалась каждый год, продолжается и теперь. После барона А. Н. Корфа Николай Яковлевич в 1883 году остался один распорядителем дела. В самый последний год жизни (1885) Николаю Яковлевичу пришлось сделать две поездки. 3 апреля он был командирован в Тифлис на филлоксерный съезд, назначенный на 20 апреля. Еще по дороге в Тифлис он ушиб себе ногу и до конца лета страдал от этого ушиба. Кроме того, он чувствовал уже больше года припадки той болезни сердца, от которой ему суждено было умереть. Несмотря на это, он принял командировку (6 сентября) для исследования уменьшения рыболовства на озере Гохча. Он выехал из Мшатки 1 октября и благополучно совершил исследование озера, но когда вернулся в Тифлис, где думал составить краткий отчет, неожиданно подвергся сильному припадку своей болезни и умер 7 ноября.

Тело его было перевезено в Мшатку и похоронено в его саду. Там есть, недалеко от берега моря, узкая дорожка, которая как будто ведет с открытого места в глухую чащу. Но в конце этой дорожки вдруг открывается большая гладкая поляна, со всех сторон окруженная, как стеной, высокими деревьями и крутыми скалами. Поляна так ровна и ее ограда так правильна, что

это место назвали «кипарисным залом». Теперь оно напоминает храм: посередине его — могила, и над ней стоит крест, на который приходят молиться не одни свои, но иногда и разный простой люд, далеко вокруг Мшатки знающий о покойном и почитающий его память.

По личным своим качествам Николай Яковлевич представлял высокое явление. Это был человек огромных сил, крепкий телом и душой, и притом такой ясный, чистый, чуждый зла и малейшей фальши, что не любить его было невозможно и что он не оставил после себя ни единого врага или порицателя. Его мало знали; в нем вовсе не было свойств, которыми приобретает известность. Его знали только люди, лично с ним сходявшиеся или специально интересовавшиеся тем, что он писал и делал. Он принадлежал к числу тех, кого можно назвать солью земли Русской, к тем неизвестным праведникам, которыми спасается наше Отечество.

Вот некролог, который был послан мною в газеты на другой день после его смерти:

«В Тифлисе 7 ноября в 10 часов утра скончался один из замечательнейших людей в России, Николай Яковлевич Данилевский. По служебному своему положению он был тайным советником, членом Совета министра государственных имуществ. Труды его на поприще службы чрезвычайно велики и важны. Он исследовал рыболовные промыслы во всей Европейской России и составил для них ныне действующие постановления. Исследование было начато еще под руководством знаменитого К.-Э. Бэра и потом продолжалось десятки лет самостоятельно; последний труд этого рода была поездка на озеро Гохча в минувшем октябре месяце. Вернувшись из этой поездки в Тифлис, Николай Яковлевич неожиданно подвергся смертельному припадку болезни сердца, которой признаки показались лишь в этом году, но, по-видимому, стали исчезать. В последние годы им были вы-

полнены сверх того два важных служебных дела: составление правил для владения водами в Крыму и истребление филлоксеры, заразившей там виноградники.

В литературе Николай Яковлевич имеет громкое имя, как один из крупных славянофилов, как автор книги “Россия и Европа”, содержащей самобытный взгляд на всемирную историю и как бы целый кодекс славянофильского учения. Он был почетным членом Петербургского славянского благотворительного общества. Кроме того, ему принадлежат некоторые менее обширные, но всегда замечательные ученые труды по части геологии, политической экономии, изучения народного быта и пр. Как натуралист, он хотел завершить свою жизнь обширным трудом под заглавием “Дарвинизм”; скоро выйдут два тома этого сочинения, которому суждено остаться незаконченным.

Но, как ни прекрасны его труды, в нем самом было еще больше добра и света, чем в его трудах. Никто, знавший покойного, не мог не почувствовать чистоты его души, прямоты и твердости его характера, поразительной силы и ясности его ума. Не имея никаких притязаний, никакого желания выставиться, он всюду являлся, однако, как человек власть имущий, как скоро речь заходила о том, что он знал и любил. Патриотизм его был безграничный, но зоркий и неподкупный. Не было пятна не только на его душе, но и на самых помыслах. Ум его соединял чрезвычайную теоретическую силу с легкостью и точностью практических планов. В своих законодательных работах и умственных построениях он никогда не прибегал к помощи чужих образцов, был вполне самобытен. Для всех, к нему близких, с ним сошли в могилу незаменимые сокровища ума и души.

Ему было шестьдесят три года, и он оставил после себя жену и пятерых детей».

Все предыдущее представляет не более, как голые рамки, в которые должны быть